

В композиционном построении «Хорева» отдаленно проглядывают контуры вольтеровского «Брута». Коллизия, связанная с чувствами Хорева и Оснельды, словно воспроизводит на иной основе и соответственно с иным исходом трагическую коллизию борьбы долга и чувства в душе Тита, сына Брута, к Туллии, дочери врага римской республики. В известной мере и в переосмыслении Сумароковым шекспировского «Гамлета» чувствуется воздействие знаменитой «Меропы» Вольтера. Расстановка противоборствующих сил и, главное, характер развязки в обеих трагедиях в чем-то близки. Наконец, отдельные приемы ведения драматической интриги в «Хореве» как будто восходят к другой пьесе Вольтера, к «Заире». Вспомним эпизод получения Заирой письма от ее отца Нерестана и последующий допрос Заиры. Письмо становится одной из улик ее мнимой измены. В аналогичном положении оказывается у Сумарокова Оснельда.

Однако несмотря на сходство отдельных элементов в композиционных структурах отмеченных пьес осознание Сумароковым природы и сущности трагических ситуаций и драматических конфликтов было отягощено воздействием факторов, которые только влиянием Вольтера не объясняются.

При всем стремлении Сумарокова походить на Вольтера и даже при известной идентичности их позиций в понимании общественной роли театра мы должны признать, что на первом месте для Сумарокова стояли иные проблемы. Не говоря уже о том, что русскому драматургу были органически чужды антирелигиозные идеи Вольтера, проповедь ненависти к тирании осмыслялась Сумароковым в иной плоскости, нежели это было у Вольтера. Это не могло не сказаться на трагедиях Сумарокова, лишенных той напряженной динамичности драматического действия, которой были отмечены лучшие трагедии Вольтера. Пафосу тираноборчества и воинствующего обличения изуверства церковников, каким насыщены лучшие пьесы Вольтера, противостоит в ранних трагедиях Сумарокова пафос политического морализирования, назидательность поучений. Историческая обстановка в России XVIII в., о которой говорилось выше, определяла такое положение. Сказывался и груз традиций национальной культуры, в том числе и в области театра.

Рассматривая ранние сумароковские трагедии с точки зрения того, как автор создает драматические ситуации, что в его трагедиях служит подлинным источником развития действия и трагической развязки, мы сплошь и рядом видим положения, сближающие первые опыты Сумарокова с пьесами из репертуара русских театров предшествовавшей эпохи, а также с широкой литературной традицией переводной беллетристики. Главный конфликт «Хорева» кроется в пагубном несоответствии поступков Кия его монаршему долгу. Наветы клеветника Сталверха — вот, в сущности, источник злоключений ни в чем не повинных Хорева и Оснельды